

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-8

УДК 341.348

ЗАЛОЖНИЧЕСТВО КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА (УРОКИ ИСТОРИИ)

Хубиев Б.Б., Хочуев И.Ч., Урусбиев А.К.

Заложничество рассматривается методами сравнительно-исторического и системного анализа в контексте выявления его политической, экономической и социальной сущности, а также социальной базы и национальной природы. Анализируются проявления сущностных черт терроризма и заложничества в условиях России, подчеркивается макромасштабность явлений, выразившаяся в попытках достичь политической независимости методами террора, с опорой на международные силы, в отсутствие твердой социальной базы.

В этом контексте рассмотрена также проблематика национальной идентичности, которая в условиях «многомерного» российского государства не может решаться силовыми методами, а только на матрице достижения «социальной идентичности» россиян как солидарной формы общности и социальной базы общности более высокого уровня – общности россиян, российских народов.

Ключевые слова: заложничество; терроризм; экономический кризис; глобальный процесс; международная конвенция; суверенность; сепаратизм; гуманитарное право; хищение; выкуп; социальная идентичность; национальный вопрос.

HOSTAGE-TAKING AS A FORM OF INTERNATIONAL TERRORISM (LESSONS OF HISTORY)

Khubiev B.B., Hochuev I.Ch., Urusbi A.K.

Hostage-taking see on the methods of comparative-historical analysis in the context of identifying its political, economic and social nature, as well as the social base and national nature. Russia is analyzed in terms of the essential features of the manifestation of terrorism and hostage-taking, highlights macroscale of the phenomena, they have tried to achieve politi-

cal independence of terror by relying on international forces in the absence of a solid social base.

In this context, also considered issues of national identity, which is in a «multi-dimensional» the Russian state can not be solved by force, but only on the matrix to achieve «social identity» of Russians as a form of community solidarity and social basis of community of a higher level – community of Russians, Russian people.

Keywords: *hostage-taking; terrorism; economic crisis; global process; an international convention; the sovereignty; separatism; humanitarian law; theft; redemption; social identity; the national question.*

Одним из изощренных форм проявления международного терроризма является акт захвата заложников. Современное международное сообщество давно обеспокоено его размахом, рассматривая захват заложников как форму терроризма и акт, нарушающий все принципы как международного права, так и права каждого на жизнь, личную свободу и безопасность.

Драматические страницы истории России в 90-х годах, связанные с сепаратизмом, терроризмом и заложничеством, являются ярким примером той опасности, которую они несут в себе для судеб миллионов людей. Авторы, на достоверных фактах, имевших место в северокавказском регионе в период вооруженного противостояния армии и сепаратистов, делают попытку исследовать причины, сущность, социальную природу и последствия заложничества как акта терроризма.

Специалисты справедливо отмечают, что международный терроризм и заложничество подпитываются глобализационными процессами XXI века [1]. Однако, мировая практика прошлого полна примерами этих видов насилия, что придает им глобальный характер. Заложничество стало распространенным явлением еще в XIX веке, и специалисты его связывают с радикальными движениями, захлестнувшими Западную Европу, Ближний Восток, Африканский континент, Латинскую Америку, Японию и многие другие регионы мира.

Родоначальниками захвата заложников в современной истории считается испанская леворадикальная организация ГРАПО, у которой в заложники оказался председатель Госсовета О. Уркихо. Традицию продолжили Баскские националисты, итальянские боевики «Красные бригады», похитившие известного европейского политика Альдо Моро, арабские террористы, захватившие в заложники олимпийскую команду Израиля. В заложники попадали целые посольства: в Тегеране – американское, в Лиме, Перу – японское и т.д. Акты насилия, как правило, заканчивались значительными человеческими жертвами. Великий Махатма Ганди в свое

время сравнивал насилие «с самым разрушительным оружием, когда-либо изобретенным человеком», и призывал человечество отказаться от всякого вида насилия.

Учитывая тяжелые последствия данного вида преступления и его массовый характер, мировое сообщество вынуждено было принять международные конвенции: «Конвенцию по борьбе с захватом заложников» (1978 г.) и «Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания» (1984 г.), которые в последующем легли в основу международного права в данной области.

Терроризм и заложничество во всем их многообразии проникают в Россию в 90-е годы. Распад единого многонационального государства вызвал кризис в экономике, политике, культуре, страна вошла в состояние аномии и правового вакуума. С политикой суверенизации многие вопросы политического характера, в частности, разграничения полномочий федеральной и республиканской власти, начали решаться путем военного противостояния, методами террора, захватом заложников. Специалисты справедливо отмечают, что это был период резкого падения материальных условий жизни россиян, и на этом основании нередко феномен терроризма и захват заложников объясняют экономическими факторами. Однако, с нашей точки зрения, такая постановка проблемы упрощает ситуацию, сложившуюся на Северном Кавказе в постсоветский период. При доминирующей роли экономических факторов, все же решающими оказались политические мотивы – сепаратизм, стремление радикальных сил к национально-территориальному обособлению путем военного мятежа. Территория Северного Кавказа превращается в театр вооруженного противостояния сепаратистских сил и армейских подразделений. Предметом противостояния оказывается статус Чечни, объявившая о своем суверенитете в ноябре 1991 г. На этом фоне практически все население региона одновременно становится заложником вооруженных экстремистов, действовавших под флагом импортированных ваххабитских ценностей и поддерживаемых зарубежными центрами. Процесс суверенизации и возникшее на его основе стремление к отделению отражали системный государственно-политический кризис в российском обществе. «С распадом страны, – отметил В. Путин, – мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах – и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве» [2]. Этим можно в известной степени объяснить тяжелые последствия данного вооруженного противостояния, вылившиеся как в прямые людские потери, так и в возрождении терроризма и его разновидности – заложничества. Вооруженный конфликт, условно названный «российско-чеченским», по своей сути носил международный характер, поскольку стороны нарушали международные принципы и нормы гуманитарного

права [3]. Основной задачей противостоящих сторон стало, соответственно, стремление достичь политической независимости и сохранение государственной целостности.

На первом этапе военного конфликта большую часть заложников составляли российские военнослужащие. Попадавшие в плен армейцы, пребывая в условиях заточения, все же не оставляли надежду о скором освобождении, однако их число увеличивалось с каждым днем. По не уточненным данным, к 1997 г. в руках сепаратистов находились 1300 военных и свыше 1400 человек гражданского населения. Основная часть заложников находилась в высокогорных чеченских аулах, используя как тягловую силу, для обмена или продажи. Механизм продажи был прост: узнав адреса и телефоны близких, преступники напрямую требовали выкуп. В цепи сделки участвовали и посредники, которые за определенную мзду снабжали информацией о материальном положении родственников заложника.

Террористы особое усердие проявляли к офицерскому составу. В поле зрения оказался, в частности, генерал Г.Ш., назначенный представителем МВД в Чечне. В результате тщательно спланированной акции генерал был взят в заложники. Как полагали в Грозном, он обладал информацией о завербованных в фильтропунктах чеченцах, – как писали в то время, – «агентов российских спецслужб», которых, как считали захватчики, надо предать шариатскому суду как военных преступников [4]. Полномочный представитель Президента России в Чеченской республике – генерал В.В., захваченный боевиками, был оценен в 10 млн. долларов. Торги состоялись на уровне 7 млн. долларов [5]. В 1999 г. был уведен в заложники помощник коменданта Веденского района Чечни. В апреле 2000 г. боевики совершили нападение на колонну федеральных войск на границах Ингушетии и Северной Осетии с целью захвата заложников.

На территории противостояния практически работал рынок торговли людьми, где у разных «хозяев» можно было купить нужное число заложников. Среди взятых в заложники были и такие, кто отказывался от всякого сотрудничества с похитителями, и их судьба уже была предрешена. Например, после трех месяцев пребывания в камере, группу пограничников поставили перед выбором: перейти в Ислам и воевать против своих или умереть. Выбор был сделан, и они предпочли умереть. Мать одного из них, 10 месяцев разыскивавшая своего сына, выкупила его останки [6].

В 90-х гг., по данным МВД России, только на территории Чечни действовали 157 банд. Самые крупные из них «армия генерала Дудаева» и группировка Хаттаба, объявленного Интерполом в розыск и возглавлявшего учебно-диверсионный центр в районе Ведено. С августа 1996 по июль 1997 г. было взято в заложники около 200 человек. Секретарь Совета безопасности И. Рыбкин говорил, что в Чечне в 1997 г. содержалось 764 заложника. Пятигорская миро-

творческая миссия в 1999 г. называла цифру 1200 человек, насильно удерживаемых. Маховик преступности продолжал разгоняться. По сообщениям замминистра МВД И. Зубова, в 1999 г. по сравнению с 1998 г., преступность, связанная с хищениями людей, выросла на четверть [7].

Несмотря на усилия правоохранительных структур, маховик преступлений раскручивался и далее. Теперь уже захват касался больших групп людей. В сентябре 1995 г. бандиты захватили автобус, следовавший по маршруту «Махачкала – Нальчик», однако силой спецназа удалось освободить заложников без жертв. В сентябре 1996 г. в Махачкале террористами был захвачен автобус с требованиями 100 тыс. долларов и вертолет. Преступников удалось уговорить отпустить заложников за меньшую сумму выкупа, после чего они благополучно скрылись. 27 марта 1999 г. был захвачен автобус, следовавший рейсом Ростов-на-Дону – Темрюк. После длительных переговоров сотрудники группы «Альфа» провели успешную спецоперацию, никто из пассажиров не пострадал [8].

Кража людей со временем расширялась пленением целых коллективов. Например, широкий резонанс получило похищение тележурналистов НТВ, в т.ч. и популярной в Чечне журналистки – М.Е., с которой глава Ичкерии находился в дружеских отношениях. Требование выплатить два миллиона долларов было исполнено [9]. Аналогичные истории связаны и с журналистами ОРТ, ИТАР-ТАСС, корреспондентами радио «Россия», сотрудниками программы «Взгляд» – Б.И. и Ч.В., которые также были выкуплены.

Федеральные службы безопасности России обнаружили действовавшие интернациональные преступные синдикаты, базировавшиеся на территории северокавказских республик. В декабре 1997 г. сотрудниками по борьбе с организованной преступностью при МВД РСО–А была раскрыта банда из 12 человек – «специалистов» по краже детей. За один 1998 г. на территории республики Северная Осетия – Алания было раскрыто шесть банд, основным профилем которых было похищение людей. Специалисты, изучавшие общественное мнение, отмечали, что сознание значительной части населения адаптировалось к преступлениям. Часто односельчане, хорошо зная род занятий преступников, не удосуживались сообщать о них в правоохранительные органы [10].

Подобие средневековой инквизиции можно было наблюдать в марте 1993 г. на центральной площади г. Буйнакск. После многолюдного митинга против криминального беспредела, разъяренная толпа заживо сожгла предполагаемых убийц. Такому исходу предшествовали события, связанные с пропажей ученицы 7-го класса – О.Ш., которую нашли мертвой, и поимкой убийц, признавших в совершении преступления с целью продажи внутренних органов [11], что и привело к самосуду.

Вечно сохранятся в памяти людей трагические Буденовские события июня 1995 г., когда бандиты, захватив ключевые административные здания и городскую больницу, терроризировали город Буденновск. Кровавая драма по его освобождению завершилась ценой сотен погибших и раненых.

День знаний, 1 сентября 2004 г., для Северной Осетии стал самым трагичным днем в ее новейшей истории, когда заложниками боевиков оказалась школа г. Беслана. Этот теракт превзошел по бесчеловечности все другие преступления – жертвами стали сотни детей и взрослых.

По оценкам специалистов, выкуп или обмен заложника еще более ускоряли преступный конвейер. Председатель Комитета Госдумы по делам национальностей В. Зорин констатировал, что «99% заложников захватывают с целью получения выкупа». Писатель А. Приставкин, председатель Комитета Госдумы по помилованиям сообщил, что Комиссия имеет пофамильный список солдат, ставших заложниками и список преступников. И есть только одна возможность обменять их на солдат, не переступая закона – помиловать. «Честно говоря, – заявил он, – я не знаю ответа на этот вопрос – выкупать или не выкупать. Но если мы довели Чечню до такой разрухи, то, может быть, это (помилование) наш «вклад» в восстановление их экономики» [12]. Заместитель председателя Комитета Госдумы по законодательству Елена Мазулина заложничество назвала чумой XXI века и заявила, что сегодня, по данным специалистов – экспертов, доходы от торговли людьми превышают доходы от торговли наркотиков. По данным ООН, только на торговле людьми организованные преступные группировки зарабатывают 3.5 млрд. долларов ежегодно, число жертв растет с каждым годом, достигнув в 2000 году около 4 млн. человек [13].

Подводя итоги, следует заметить, что оправдать столь варварскую форму преступления, какой является заложничество, невозможно, но объяснение это явление все же имеет. Если пойти по пути аналогии, то вырисовывается следующая картина. Самая известная в мире форма преступного союза – мафия, возникла в Италии в период экономического кризиса. Развитие свое – мафия и ее методы – рэкет получают на американской почве в период Великой депрессии 30-х годов. Имеющая сицилийскую родину такая форма преступления, как кража детей – киднеппинг, также прижилась в Америке в период кризиса.

Россию 90-х лет также постиг глубокий системный кризис, который, как мы убедились, сопровождался военными конфликтами на бывших территориях некогда единого государства. Россия переживала состояние аномии, разложение системы ценностей и ценностно-нормативный вакуум. Демократические ценности, как цель развития российского общества, были извращены. Либерализация цен, названная «шоковой терапией», в одночасье превратило рос-

сийское общество в страну бедных и нищих и преуспевшие горстки очень богатых. Был прав Жан Поль Марат – один из лидеров Великой французской революции 1789-1794 гг., который говорил: «Какие бы реформы не совершались – они делаются в пользу богатых». Экономический, политический, моральный и военный кризисы, продолжавшиеся в течении десятилетия, отбросили российское общество в нравственном отношении в средневековую эпоху, что породило в широких масштабах саморазрушительное поведение и мораль индивидуализма. В короткие сроки разрушились стереотипы идеала, диктующие благородство именно в отношении слабых, женщин, стариков, детей, больных. Однако террор и заложничество уравнивали всех, поправ все дозволенное, охватывали общество, распространились на больницы, родильные дома, школьные учреждения.

Многие исследователи международного терроризма питательной средой считают нищету и бесперспективность подавляющего большинства людей, с одной стороны, и кичливое напоказ, баснословное богатство местных элит, попиравших законы и бесконтрольно присваивавших материальные средства, с другой. Справедливость этих выводов сомнений не вызывает. Однако, в условиях России, наряду с экономическими факторами, действовали политические, в центре которых оказалась Чеченская республика, которая, как считает Е.В. Бахревский, в силу причин исторического характера имела ряд отличий от большинства российских регионов [14]. Надо полагать, обострение социальных противоречий и кризис политической системы общества активизировали историческую память, связанную с Кавказской войной. Тем не менее, несмотря на наличие шансов предупредить эскалацию конфликта в этом регионе путем диалога, они не были использованы в российско-чеченских отношениях. Не был взят во внимание тот факт, что побудительным мотивом развязывания войны послужило не стремление чеченского народа к самоопределению, а текущие интересы политических групп и их военные амбиции. В конечном итоге именно воля народа развиваться в составе России сыграла решающую роль в том, что «... государство с опорой на гражданское население нанесло поражение вооруженному сепаратизму, действовавшему под лозунгами национального освобождения, а затем – фундаменталистского ислама» [15].

По меткому замечанию В.О. Ключевского, история проучивает тех, кто не хочет учиться у истории. Повторение трагических страниц истории страны может предупредить только продуманная, целенаправленная политика, в которой учитывались бы интересы всех народов. Россия – особого рода цивилизация. Если многие государства создавались на основе этнической идентичности, относительно России, как известно, этого не скажешь. Исторически здесь постоянно шел процесс взаимного проникновения, привыкания, смешивания народов. Сотни

этносов живут на своей исторической земле в контакте и взаимодействии с другими этносами и народами. Основание России на огромной территории – это результат совместных усилий народов, здесь живущих, и нуждающихся в сохранении своей национальной идентичности. Учитывая, что Россия – многонациональное общество, Конституция РФ закрепила федеративное устройство с правом на равноправие и самоопределение народов. В то же время народы России – это единый народ – «сложный и многомерный». Этот фактор обуславливает динамизм национальных отношений, требующих постоянного диалога, тонких решений и взвешенной политики, способной обеспечить «единство в многообразии». «Нужно отдавать отчет, – отмечает Президент В.В. Путин, – какие риски и угрозы заключены в ситуациях, чреватых переходом в стадию национального конфликта. И соответствующим, самым жестким образом, без оглядки на чины и звания, оценивать действия или бездействия правоохранительных структур, органов власти, которые привели к межнациональному напряжению. Не возводить ничего в принцип, – продолжает он, – не делать скоропалительных обобщений. Необходимо тщательное выяснение сути проблемы, обстоятельств, урегулирование взаимных претензий по каждому конкретному случаю, где замешан «национальный вопрос». Вместе с тем, учитывая уроки истории, глава государства справедливо предупреждает, что «...никакого диалога не может быть в ситуации насилия» [16].

Еще один урок, который следует извлечь из изучаемой проблемы. Национальная политика не должна быть написана и тем более реализована исключительно в кабинетах чиновников. Здесь нет и не может быть простых решений. Элементы национальной политики, как образно выразился Президент, «рассыпаны во всех сферах жизни государства и общества – в экономике, социалке, образовании, политической системе, и внешней политике». Позитивные процессы последних лет в общественно-политической жизни, экономике, социальной сфере России и ее регионах должны подкрепляться научно-обоснованной социальной и национальной политикой государства. В науке и практике следует более настойчиво вести речь «о достижении социальной идентичности» как о «солидарной форме общности людей» [17]. В рамках «многомерного» государственного образования, в составе которого многочисленные этнические регионы, это имеет решающее значение, поскольку социальная идентичность станет той базой, на которой будет строиться общность более высокого уровня – общность россиян, российских народов. Достижение социальной идентичности принципиально важно, поскольку гражданско-политическое единство России, надо полагать, еще долгое время будет дополняться национальной идентичностью. Следовательно, в контексте бытия этнической идентичности будет присутствовать персональная самонадеянность и соблазн силового поведения в обществе. Как

видно, в условиях сложного национально-государственного образования России еще будет сохраняться социальная база терроризма и заложничества. Как ее преодолеть? – вот вопрос, который всегда стоял перед человечеством. Уверенно можно сказать, что тех, кто вынашивает планы достижения цели национальной идентичности вооруженным путем, мало волнует судьба собственных народов, их традиции. Напротив, с точки зрения цивилизационного развития, как свидетельствует история, эти акты насилия отбрасывают народы далеко в прошлое. Предупреждающим фактором силового поведения в решении национального вопроса, как видно, станет социальный фактор, достижение социальной идентичности народов России.

Список литературы

1. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом: Сборник документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2003.
2. Путин В. Россия: национальный вопрос / Россия сосредотачивается. Ориентиры. – М., 2012. С. 17.
3. См.: Юсупов М. Функциональная емкость регионального конфликта (на примере Чечни). / От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Берлин-Нальчик, 2011. С. 57.
4. Комсомольская правда, 10 марта 1999 г.
5. Кавказ сквозь призму тысячелетий. Парадигмы культуры. Материалы первой международной научно-практической конференции (10-13 мая 2004 г.). – Нальчик. 2004. С. 37.
6. Газ. «Труд–7», 25 декабря 1997 г.
7. Газ. Континент, ноябрь 1999 г. № 47.
8. Газ. Северный Кавказ, март 1999 г. № 13.
9. Газ. АиФ, № 9. 2000.
10. Кавказ сквозь призму тысячелетий. С. 36.
11. Газ. Северный Кавказ, 5-12 марта 1993 г.
12. Газ. АиФ, № 14. 1999 г.
13. Газ. АиФ. Северный Кавказ, № 49. 1999 г.
14. См.: Бахревский Е.В. Чеченская республика в едином евразийском пространстве / Лучшие практики миротворчества и предотвращения конфликтов на Северном Кавказе. – М. С. 1999.

15. Геворгян К.А. Лучшие практики миротворчества и предотвращения конфликтов на Северном Кавказе. Вступительное слово. – М., 2012. С. 7.
16. Путин В. Указ. раб. С. 23, 27.
17. Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия / Философские науки. Спецвыпуск № 1. – М., 2011. С. 24.

References

1. The international legal framework against terrorism: Collection of documents / Compiled by B.C. Ovchinsky. – М.: INFRA-M, 2003.
2. Putin, V. Russia: the national question / Russian focus. Landmarks. – М., 2012. P. 17.
3. See.: Yusupov M. Functional capacity of regional conflict (for example, Chechnya) / From the understanding of local conflicts in the use of development opportunities. Collection of scientific papers. Vol. 1. – Berlin-Nalchik, 2011. P. 57.
4. Komsomolskaya Pravda on March 10, 1999.
5. Caucasus through the prism of thousands of years. Paradigms of culture. Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference (May 10-13, 2004.). – Nalchik. 2004. P. 37.
6. Gaz. «Trud-7», 25 December 1997.
7. Gaz. Continent. November 1999. № 47.
8. Gaz. North Caucasus. March 1999. № 13.
9. Gaz. AIF, № 9. 2000.
10. Kavkaz through the prism of thousands of years. P. 36.
11. Gaz. North Caucasus. March 5-12. 1993.
12. Gaz. AIF, № 14. 1999.
13. Gaz. AIF. North Caucasus, № 49. 1999.
14. See.: Bakhrevski E.V. Chechen Republic in a single Eurasian space / Best practices of peacemaking and prevention Conflict in the North Caucasus. – М., 1999.
15. Gevorgyan Best practices of peacemaking and prevention Conflict in the North Caucasus. Key-note speech. – М., 2012. P. 7.
16. Putin, V. Decree. slave. from. Pp. 23, 27.
17. Thagapsoev, H.G. Identity as a philosophical category and the measure social existence / Philosophy. Special issue № 1. – М., 2011. P. 24.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Хубиев Башир Билялович, профессор кафедры теории и технологии социальной работы,
доктор философских наук

*Кабардино-Балкарский государственный университет
ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, 360004, Россия
e-mail: ktiisr@mail.ru*

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 5471-2663

Хочуев Исмаил Чокаевич, старший преподаватель кафедры философии

*Кабардино-Балкарский государственный университет
ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, 360004, Россия*

Урусбиев Азамат Казбекович, магистрант

*Кабардино-Балкарский государственный университет
ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская республика, 360004, Россия*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Khubiev Bashir Bilyalovich, professor of the theory and techniques of social work, Ph.D.

*Kabardino-Balkarian State University
st. Chernyshevsky, 173, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia
e-mail: ktiisr@mail.ru*

SPIN-code SCIENCE INDEX: 5471-2663

Khochuev Ismail Chokaevich, senior lecturer in philosophy

*Kabardino-Balkarian State University
st. Chernyshevsky, 173, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia*

Urusbiev Azamat Kazbekovich, undergraduate

*Kabardino-Balkarian State University
st. Chernyshevsky, 173, Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004, Russia*